

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

Рэй
БРЭДБЕРИ

Темный карнавал

МОСКВА
2024

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Ray Bradbury

DARK CARNIVAL

Copyright (c) 1947, 2001 by Ray Bradbury
Ray Bradbury trademark used with the permission
of Ray Bradbury Literary Works LLC

Перевод с английского языка *Марины Воронежской*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Брэдбери, Рэй.

Б89 Темный карнавал / Рэй Брэдбери ; [перевод с английского М. Воронежской]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-199926-1

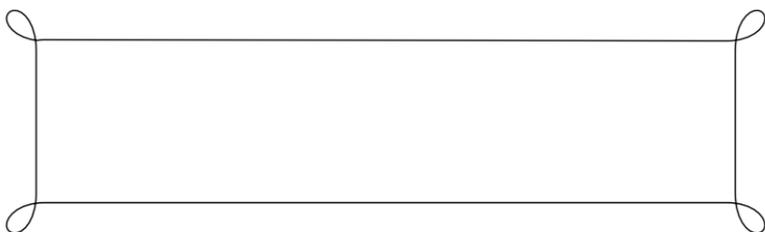
Настоящая книга поистине уникальна — это самый первый сборник Брэдбери, с тех пор фактически не переиздававшийся, недоступный больше нигде в мире и ни на каком языке вот уже 60 лет! Отдельные рассказы из «Темного карнавала» (в том числе такие классические, как «Странница» и «Крошка-убийца», «Коса» и «Дядюшка Эйнар») перерабатывались и включались в более поздние сборники, однако переиздавать свой дебют в исходном виде Брэдбери категорически отказывался.

Новый перевод Марины Воронежской оригинального сборника Рэя Брэдбери 1947 года.

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

© М. Воронежская, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199926-1

THE HOMECOMING ПРАЗДНИК ВОЗВРАЩЕНИЯ

— **В**он они, — сказала лежащая на кровати Сеси.
— Где они? — выкрикнул Тимоти, еще стоя в дверях.

— Кто-то над Европой, кто-то над Азией, кто-то над островами, кто-то над Южной Америкой! — торопливо, одними губами прошептала Сеси.

Она лежала на спине — лицо ее было неподвижно, глаза закрыты, длинные темные ресницы слегка подрагивали.

Тимоти шагнул на грубый дощатый пол ее комнаты.

— И кто там?

— Дядя Эйнар и Дядя Фрай, еще Кузен Уильям, еще вижу Фрульду, Хельгара и Тетю Моргянну, Кузину Вивиан и... Дядю Иоганна! Они приближаются, и довольно быстро.

— Они летят по воздуху? По небу? — громко восклицал Тимоти, хотя уже стоял рядом с кроватью.

Его серые глаза блестели, и выглядел он ровно на свои четырнадцать. На улице дул ветер, уже стемнело, и дом освещали только звезды.

— По воздуху, по земле — по-всякому, — сквозь сон проговорила Сеси, которая лежала неподвижно и пересказывала все, что ей виделось в мыслях. — Сейчас вижу, как какое-то существо, похожее на волка, переходит по мелководью темную реку, над самым водопадом, шкура у него блестит под звездами. Теперь вижу бурый дубовый лист, как его ветром уносит в небо. А вон летит маленькая

летучая мышь. А там... еще какие-то существа, в лесу, их много, они бегут под деревьями, и внутри деревьев, в самом верху, продираются между веток... Все спешат сюда!

— А они точно доберутся до нас завтра к вечеру? — Тимоти вцепился рукой в простыню. — Они точно успеют к Празднику Возвращения? — Когда он наклонился к сестре, с его лацкана свесился паук, который начал раскачиваться туда-сюда, как будто исполнял какой-то танец.

— Да, Тимоти, да. — Сеси нетерпеливо вздохнула и замерла. — Не спрашивай меня больше. И давай уже, иди. Я хочу немного пройтись по любимым местам.

— Спасибо, Сеси. — Тимоти вышел в холл и побежал к себе.

Надо было срочно застелить постель. Он проснулся совсем недавно, с заходом солнца. И, как только взошли первые звезды, сразу побежал к Сеси, чтобы она помогла ему справиться с наплывом чувств по поводу предстоящего праздника. Теперь-то она уже совсем крепко спит, от нее не слышно ни звука.

Пока Тимоти умывался, паук набросил на его тонкую шею серебристое лассо.

— Ты только подумай, Спид, уже завтра вечером — канун Всех Святых!

Тимоти выпрямился и посмотрел в зеркало. Зеркало в его комнате было единственным официально разрешенным зеркалом во всем доме. Право на него Мама уступила ему исключительно «по болезни». А что в итоге? Одно сплошное расстройство! Тимоти открыл рот и в очередной раз увидел там мелкие, убогонькие зубки, которыми наградила его природа. Какие-то бобовые зернышки, а не зубы, — круглые, тусклые, худосочные. Клыки вообще никуда не годятся! Настроение у него разом упало.

На улице было уже совсем темно, и Тимоти зажег свечу. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Всю прошлую неделю семья жила по старинке: днем — сон, а на закате —

будь добр вставай и делай дела. Вон даже синяки появились под глазами.

— Я дефективный, Спид, — прошептал он маленькому существу, — даже просто привыкнуть спать днем, как все, и то не могу...

Он поднял свечу повыше. Эх. Вот если бы у него были мощные зубы с резцами, острыми, как шипы. Или мощные руки. Или мощный ум. А еще лучше, если бы он мог высылать свой разум куда угодно, как Сеси, — лежа в мягкой постели и даже не просыпаясь... Но нет, он дефективный. У него болезнь. Он даже темноты боится, свечку из рук не выпускает. Братья смеются над ним. И Бион, и Леонард, и Сэм. Им смешно, что он спит в кровати. Как Сеси. Но с ней-то все понятно — ей кровать нужна, чтобы отправлять разум из тела на охоту, для этого требуется комфорт. Но Тимоти — он-то почему не спит в красивом полированном гробу, как все нормальные люди? И с какой это стати Мать разрешает ему иметь собственную кровать, собственную комнату, собственное зеркало! Неудивительно, что вся семья шарается от него, как от распятия Христова. Эх. Вот если бы у него из лопаток выросли крылья... Тимоти обнажил спину, взгляделся в нее и с горечью вздохнул. Нет. Этого не будет. Никогда.

Снизу доносились всякие волнующие и таинственные звуки. На стенах, на потолке, на дверях шуршали черные гирлянды. Вдоль перил лестницы поднимался запах горящих черных свечей.

Послышался Мамин голос — высокий и решительный. И голос Папы — эхом из сырого подвала. А это Бион прошел где-то под окнами их старого загородного дома, он тащит огромные двухгаллонные¹ бидоны, и они булькают при каждом шаге.

— Надо идти на праздник, Спид, — сказал Тимоти.

¹ 2 американских галлона = примерно 8 литров. — *Прим. пер.*

В ответ паук закружился на конце своей шелковой нити, и Тимоти вдруг остро осознал свое одиночество. Потому что... делаешь все, делаешь — полируешь гробы, приносишь поганки и пауков, вешаешь гирлянды... А как сам праздник начинается — так ты уже никому не нужен. Чем меньше народу увидит дефективного сыночка — тем лучше. Меньше будет разговоров.

Внизу Лора с радостными криками носилась по всему дому: «Праздник Возвращения! Праздник Возвращения!» Казалось, ее шаги звучали везде сразу.

Тимоти еще раз прошел мимо комнаты Сеси — она все так же спала. Она всегда спит. Спускается вниз раз в столетие. Сеси, Сеси... Вот бы спросить ее: «Где ты сейчас, Сеси? В ком? Что у тебя происходит? Ты за холмами? Как там все вообще?» Но вместо этого Тимоти заглянул в комнату к Эллен.

Эллен сидела за столом и сортировала богатства, собранные во время работы мастером по маникюру: волосы всех цветов (светлые, рыжие, темные) и обрезки ногтей. Она работала в салоне красоты в Меллин-Тауне, примерно в пяти милях¹ от дома. В углу комнаты стоял добротный гроб из красного дерева с ее именем.

— Иди отсюда, — сказала Эллен, даже не взглянув на него, — невозможно работать, когда ты стоишь над душой.

— Ну, канун же Всех Святых, Эллен! — сказал Тимоти, пытаясь быть дружелюбным, — ты только подумай!

— И что? — Она складывала обрезки ногтей в маленькие белые мешочки и подписывала их. — Тебе-то что с этого? Только перепугаешься до смерти. Иди лучше спать.

Его щеки вспыхнули от возмущения.

— А кто будет полировать гробы, работать и помогать?

— Так. Если ты сейчас же не уйдешь, то завтра обнаружишь в своей постели дюжину сырых устриц, — голосом,

¹ 5 миль = около 8,5 км. — *Прим. пер.*

не терпящим возражений, сказала Эллен. — До свидания, Тимоти.

В гневе он бросился вниз по лестнице и врезался в Лору.

— Смотри, куда идешь! — провизжала она сквозь сжатые зубы, из которых торчали гвозди с плоскими головками.

Она забивала их в двери и развешивала на них... акониты¹ (уф, искусственные, ну и шуточки у нее)!

— Что, напугаем Дядю Эйнара? — крикнула она громко, чтобы все услышали.

И унеслась прочь. Тимоти побежал к распахнутой двери лестницы, ведущей в подвал, из которого поднимался густой дух сырой земли.

— Папа?

— Ты очень вовремя! — крикнул ему снизу Отец. — Давай быстрее сюда, не то все придут, а у нас ничего не готово!

Тимоти замешкался всего на несколько секунд — и услышал целый миллион звуков. Братья разговаривали, спорили, приходили, уходили — прямо как поезда на вокзале. Достаточно было просто постоять на одном месте, чтобы мимо тебя пробежал весь дом. И каждый что-нибудь тащил в бледных руках. Леонард — черный медицинский саквояж. Сэмюэль — пыльную книгу в черном переплете (такую огромную, что она едва помещалась у него под мышкой), плюс еще черную гирлянду. Бион (который сделал очередную ходку к фургону) втаскивал в дом все новые галлоны жидкости.

¹ Аконит — ядовитое растение (вид рода *Aconitum*, сем. Лютиковых — *Ranunculaceae*), имеющее древнюю историю и множество названий — борец, волчий корень, волкобой, царь-трава, черное зелье, козья смерть, шлемник, туфелька, синеглазка, прострел-трава, королева ядов и др. В мифах является непременным атрибутом богини Гекаты — повелительницы привидений и чудовищ, которая посылает людям ужасы и кошмарные сны, помогает в колдовстве и убийстве с помощью отравления. — *Прим. пер.*

Отец отвлекся от полировки, и Тимоти получил от него тряпку, а заодно и неодобрительный взгляд.

— Вот этот натираем до блеска, — сказал он, хлопнув по огромному гробу из красного дерева, — а уж тогда переходим к следующему. Давай шевелись, не то так всю жизнь проспишь.

Натирая поверхность гроба воском, Тимоти заглянул внутрь.

— Дядя Эйнар крупный мужчина, да, пап? — спросил он.

— Угу.

— А сколько в нем?

— Смотри по размеру ящика.

— Метра два? Больше?

— Много болтаешь.

Тимоти натер поверхность до блеска.

— А весит, наверное, все двести пять, — сказал он.

— Да хоть двести пятнадцать! — взорвался Отец.

— Не, двести пятнадцать — это с крыльями!

Отец пихнул его локтем.

— Смотри лучше, что делаешь! Не так надо, а вот так. Смотри!

Около девяти часов Тимоти вышел на октябрьский холодок (с его то теплым, то промозглым ветром) и два часа бродил по лугам, собирая пауков и поганки.

Проходя мимо фермерского дома, он сказал светящимся окнам: эх, знали бы вы, что творится сейчас у нас! Затем поднялся на холм и посмотрел на город, который засыпал за много миль отсюда, вместе с круглыми часами на церкви, что были видны даже издалека. Город тоже не знал!

Тимоти принес много банок с поганками и пауками. И в подвале (в часовне) была проведена короткая церемония: Отец возносил молитвы Темному, а красивые, цвета слоновой кости руки Матери двигались ему в ответ. Все

дети были в сборе, за исключением Сеси, которая лежала в постели у себя наверху. Впрочем, Сеси не собиралась мириться с таким положением дел. Было видно, как она выглядывает то из глаз Биона, то из глаз Сэмуэля, то из глаз Матери, то из... не успеешь оглянуться — а она уже в тебе. А теперь уже нет.

Изо всех сил втянув живот, Тимоти молился Темному: «Пожалуйста, ну пожалуйста, помоги мне вырасти, помоги мне стать похожим на моих братьев и сестер. Можно я просто буду таким же, как они? Если бы только я все это умел... Делать скульптуры из волос, как Эллен. Или всех в себя влюблять, как Лора. Или читать странные старые книги, как Сэм. Или работать на хорошей работе, как Леонард и Бион. Или (не сейчас, конечно) завести семью, как Мать и Отец...»

В полночь прибыли первые родственники!

Бабушка и Дедушка, прямиком из Старого Света, очень веселые и приветливые. Просто сплошные приветствия!

После этого примерно раз в час кто-нибудь прибывал. Влетали через боковые окна, стучались в двери — то в парадную, то в заднюю. И это не считая шума из подвала, шорохов с чердака и свиста осеннего ветра в дымоходе... Мама наполнила жидкостью большую хрустальную чашу для пунша. Папа прошелся по всем комнатам и зажег еще больше свечей. Лора и Эллен приколотили к дверям еще несколько поддельных ведьминых цветков. А Тимоти стоял в эпицентре событий (с каменным лицом, вытянув по швам трясущиеся руки) и только успевал поворачивать голову — туда-сюда, туда-сюда! Все увидеть, ничего не пропустить! Каждый стук двери, каждый смешок в темноте, каждый бульк льющегося вина... А еще шум ветра, топот ног, бурные приветствия у дверей, дребезжание оконных стекол... И тени мелькают одна за другой, и кружатся, и исчезают, и опять...

Праздник начался!

Пять, десять, пятнадцать — уже целых тридцать человек! А будут еще шестьдесят!

— Так-так, а *это*, значит, Тимоти!

— А?

Чья-то холодная рука взяла его за руку. Над его лбом склонилось длинное бородатое лицо.

— Хороший, хороший парень, — сказал бородач.

— Тимоти, — сказала Мама. — Это твой Дядя Джейсон.

— Привет, Дядя Джейсон.

— Тимоти, племяш, как-то ты не слишком весел и бодр.

— Да нет, нормально.

— Рад слышать это, мой мальчик. Выше нос. — Бородач ласково пихнул Тимоти в подбородок холодным кулаком.

— А вот *здесь* у нас... — сказала Мама, уводя Дядю Джейсона.

Дядя Джейсон оглянулся на Тимоти через плечо в плаще и дежурно подмигнул ему.

Тимоти остался стоять один.

Откуда-то издалека, через тысячу миль, из подсвеченной свечами темноты, донесся знакомый высокий голос — это была Эллен.

— А братишки-то мои до чего хитры, — говорила она, — угадайте, чем они сейчас занимаются, Тетя Моргианна...

— Даже представления не имею.

— У них в городе свой морг.

— Да что вы!

Вздых.

— Морг? Вот это ход конем!

Пронзительный смех.

— Как удобно!

— Гениально!

Взрыв хохота.

Тимоти стоял не шелохнувшись.

Смех утих.

— И всех нас кормят, всю семью, — сказала Эллен.

— Да-да! Знаете ли вы, дорогая Тетя, как работают обычные санитары морга? — оживленно подхватила Лора.

Тетя Моргианна не знала.

— Так вот, — по-научному начала Лора, — они вводят в тела серебряные иглы с красными резиновыми трубками и выкачивают кровь. Чтобы потом ввести консервант. А после этого... После этого обычные санитары смывают кровь в канализацию. Но только не Леонард и Бион! Эти красавцы в четырехлитровых бидонах приносят ее домой. Для Мама с Папой и для всех нас. Ну, почти для всех. Тимоти же у нас...

В этом месте Тимоти вздрогнул.

— Не надо... — шепотом перебила Лору Мама.

— Тимоти у нас... — настойчиво повторила Лора.

Повисло напряженное молчание.

— Ну, и? Говори же. Что — Тимоти? — требовательно спросил Дядя Джейсон.

— Ох и язык у тебя, Лора, — вздохнула Мама.

Тимоти закрыл глаза.

— С Тимоти... не все в порядке, он не любит кровь. Неженка... — пояснила Лора.

— Научится он, — вступилась Мама, — дайте только время. Он мой сын — и он научится, — твердо сказала она, — ему всего четырнадцать.

— Но он должен вырасти на этом, — произнес голос Дяди Джейсона, переходя из одной комнаты в другую, на фоне звуков морозящего дождя и ветра, игравшего на деревьях за окном, как на арфах, — я рос на этом с детства... — и затих где-то в глубине дома.

Тимоти закусил губу и открыл глаза.

— Я сама виновата... — Теперь голос Мама перемещался в сторону кухни. — Я заставляла его, пыталась заставить. Но детей нельзя заставлять, это только вызывает у них тошноту и напрочь отбивает всякую охоту. Посмо-

три на Биона, он до тринадцати лет не пробовал кро... —
Последнее слово потонуло в порыве ветра.

— Понятно, — пробормотал Дядя Джейсон, — Тимоти еще образумится.

— А я и не сомневаюсь! — с вызовом сказала Мама.

Черные тени проходили сквозь череду затхлых комнат, и от их движения огоньки свечей вздрагивали. Тимоти замерз. Почувствовав в ноздрях запах горячего сала, он инстинктивно схватил одну из свечей и стал ходить с ней по дому, делая вид, что поправляет гирлянды.

— Тимоти-и... — прошипел кто-то с придыханием за перегородкой, — ш-ш-што, бо-ишш-ся темноты-ы, Тимоти-и... — Это был голос Леонарда. Мерзкий Леонард! — Мамочка все Тимоти разрешает. Иногда она разрешает ему взять свечечку. Да. И они вместе ходят по лестнице. Вниз-вверх, вниз-верх. Тимоти свечечку близко-близко держит. Для тепла, и чтобы серые глазки красиво блестели...

— Ну, нравятся мне свечи, тебе-то что? — шепотом огрызнулся Тимоти.

— Все у него наладится. Дети есть дети, — произнес голос Тети где-то в темноте столовой.

Больше шума, смеха и грома! Раскаты дикого хохота! Стуки, щелчки, крики, шуршание платьев и плащей! Влажный туман врывается в парадную дверь, как порох от выстрела пушки! Из тумана, расправив крылья, появляется высокий мужчина.

— Дядя Эйнар!

Тимоти пробрался на своих тощих ногах прямо сквозь туман, под зеленой паутиной теней — и бросился в объятия Дяди Эйнара. И Эйнар поднял его над землей! Тимоти был легкий, как пушинка.

— У тебя есть крылья, Тимоти! — крикнул он и подбросил мальчика в воздух. — Крылья, Тимоти! Лети!

Лица покатались куда-то вниз. Темнота поехала по кругу. Дом словно сдуло — Тимоти ощутил на себе этот ветер. Он только успел хлопнуть в воздухе крыльями, нет,

руками, — как пальцы Эйнара поймали его и снова подбросили к потолку. Но потолка не было — он рухнул, как прогоревшая стена.

— Лети! Лети! — громко и властно кричал ему Эйнар, — на крыльях лети! На крыльях!

И Тимоти почувствовал эту упоительную агонию в лопатках, как будто в них прорастали корни, что-то лопалось и взрывалось, превращаясь в длинные влажные перепонки! Он бессвязно лепетал что-то, а Дядя Эйнар снова швырял его ввысь! Лил дождь, порывы осеннего ветра срывали с крыши черепицу и сотрясали балки, приводя в смятение свечи на люстрах. И сто родственников всех форм и размеров зачарованно смотрели из всех комнат и из каждого уголка черной темноты, и сходились кругами туда, где Эйнар бросал ребенка, как марионетку, в ревушую вышину: «Бей крыльями! Взлетай!»

— Ну, все, достаточно! — крикнул наконец он.

Тимоти, который был бережно приземлен на деревянный пол, буквально падал от усталости и от восторга — и в итоге упал прямо на Дядю Эйнара.

— Дядя, Дядя, Дядя! — счастливо рыдал он.

— Отлично полетали, а, Тимоти? — Эйнар потрепал Тимоти по волосам. — Просто отлично.

Уже почти рассвело. К этому моменту прибыли почти все, и теперь, на рассвете, были готовы отойти ко сну. Им осталось только лечь, чтобы беззвучно и неподвижно проспать до следующего захода солнца, когда они выпрыгнут из своих гробов и продолжат пиршество.

Дядя Эйнар, а за ним и еще несколько десятков других гостей двинулись к подвалу. Мама проводила их вниз, где стоял плотный ряд отполированных гробов. Эйнар, за спиной которого были сложены крылья, похожие на тент цвета морской волны, двигался по холлу, присвистывая от любопытства. Его крылья то и дело задевали за стены и издавали звук, как будто кто-то тихонько бил в барабан.